

О ФОРМАЛИЗМЕ И НАТУРАЛИЗМЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. СТАВСКОГО НА ОБЩЕМОСКОВСКОМ СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ

— Товарищи, партийная группа и президиум решили провести широкое обсуждение тех вопросов литературы и искусства, которые были поставлены в статьях «Правды». Почему так остро обсуждаются вопросы, поставленные «Правдой»? — Ответ дает наша действительность, ее исторические вехи и даты: совещания ЦК партии в Кремле, встречи лучших, знатных людей нашей страны с членами правительства, с руководителями партии, с тов. Сталиным.

Эти совещания, эти встречи являются своеобразной новой формой управления государство, производственными совещаниями, на которых продуманы и решены основные вопросы нашего дальнейшего экономического строительства.

В этих совещаниях участвуют люди, приехавшие с передовых постов строительства социализма. Это их наставят тов. Сталин подлинными героями ежедневно создающими материальные ценности — это рабочие и инженеры нашей страны.

На этих совещаниях выдвигаются, обсуждаются разные важнейшие вопросы нашей жизни.

Альберт Тильба — комбайнер из Башкирии — начал свое выступление несколько необычно, он сказал: «Я — сын кулака». Реплика тов. Сталина: «Сын отца не отвечает, потому что глубочайший смысл этого конкретно выражение советского гуманизма. Вы знаете, что вскоре после этого совещания было опубликовано постановление правительства относительно обучения детей лицшенцев в советских школах.

На совещаниях в Кремле — этой всеобщей трибуне — проведена попытка изображения лучших людей, героев страны и их германских дел, и это имеет огромное значение в свете новой советской конституции. Кто не проголосует за выборы в советские органы власти таких людей, как Алексей Стаханов, Кривонос, Демченко?

На этих совещаниях укрепляется и движение народов — осуществляются ленинский завет и сталинские указания.

В развороте стахановского движения видны контуры коммунистического общества, видны контуры коммунизма.

Выступления тов. Сталина на совещаниях в Кремле и в ЦК его бессменного сподвижника Г. В. Горохова дают глубочайший анализ положения в Стране Советов и во всем мире, вдохновляют миллионы трудящихся всех национальностей на борьбу за коммунизм.

Колхозники не казаков всех одиннадцати казачьих войск — от Дона и Кубани до Амура и Уссури — в прошлом в значительной мере опицяли революции, обрели счастье, родину в колхозных станицах и хуторах нашей великой родины.

И старые казаки передают старинное казачье оружие своим сыновьям и дочерям, членам воронежских клубов, красным кавалеристам, с пакаэм — рубить головы контрреволюции.

Новые люди выросли и растут в нашей стране. Новые запросы у этих людей. Круговорот их ярок и широк. Это волевые люди. Их целеустремленность, ясность в постановках задач и волнистая воля каждый день отливаются в величайшие дела. У них огромная тяга к культуре. Какой же великий отклик нашелся у этих людей постановления правительства о годовщине смерти Пушкина и Добролюбова, слова тов. Сталина о Маяковском!

Они, эти новые люди, предъявляют высокие требования к искусству, к литературе. Отсюда и острая в постановке и обсуждении вопросов искусства и культуры.

Мы боремся за осуществление указаний Ленина — Сталина, за осуществление идей наших партийных симпатий и указаний.

Статьи «Правды» и являются практической борьбой за осуществление указаний Ленина — Сталина, за осуществление указаний нашей партии. Тогда так и нужно их понимать.

Статья «Правды» «Сумбур вместо мызги» борется за простоту и естественное звучание слов, против леваковского сумбура, формалистических перегибов, претензий создавать видимость самобытности приемов демешевого ориентальничества, против леваковских уродств и грубого натурализма.

Статья «Балетная фальшивь» разоблачает псевдоискусство работников искусства, оторванных от действительности, не знающих ее, издающих сказки над зрителями и слушателями и опицяющими жизнь, полную радости творческого труда.

В других статьях «Правды» развернулась борьба против формализма, национализма, кризиса. Эти статьи являются практической борьбой за высокое социалистическое искусство, за социалистический реализм. Страна выросла, страна предъявляет огромные требования. Идет процесс формирования художественного вкуса миллионов, поднявшихся на высочайшее плато социалистической действительности, включившихся в огромную созидательную деятельность. Идет формирование новой, социалистической эстетики. Естественная же стоковая борьба против всяческих уродств, почвой для которых являются идея иница, отрывы от действительности, непонимание ее, иногда — нежелание ее понять, т. е. враждебное отношение к ней.

Выступления «Правды» имеют прямое отношение к литературе. Как обстоит дело у нас, в литературе? Наиболее ярким выражением растерянности и даже сумбура, свойственных некоторым писателям, является также прискорбный инцидент с М. С. Шагини. Ее «литературному произведению» дана исчезающая прародительская оценка в постановлении президиума правления союза и в статье «Правды», осудивших, как известно, ее появление.

М. С. Шагиня признала ошибочными свои заявления и взвела их обратно. От всей души желаю ей глубже понять, обдумать все происшедшее.

Совершенно правильно выступление «Правды» о самосуспоенности

шее, поменьше «учительствовать», главное же — проголосовать за лихий партии в литературе, высококультурными произведениями.

Нам нужно трезво разобраться в общем и на основе большевистской, бесподобной критики и самокритики борьбы за осуществление указаний Ленина и Сталина, борьбы за создание высококультурных произведений, достойных нашей эпохи и ее великих людей. Этую задачу можно осуществить только тогда когда мы очистимся от всего случайного, оставшегося от прошлого, меняющего нам.

Формализм, как оформленного творческого течения в литературе сейчас как будто бы не существует. Да и где же после нашего сезда, явившегося латой нового летописческого в советской литературе, найдется такой «умник», который отстанет бы взгляд на художественное произведение как на сумму или систему литературных приемов...

Где найдется теоретик, который отстанет бы взгляд, что «вся работа поэтических школ сводится к напоминанию и выявление новых приемов расположения и обработки материалов, гораздо больше к расположению образов, чем к созданию их».

К слову сказать, поба теоретикам формализма, вразумительно высказаться по всем этим вопросам. Сейчас, тов. Шкловский, как раз подходит время для этого. Не только тов. Шкловскому нужно было бы это сделать, но и его прежним единомышленникам.

Формализм, как течения у нас нет, по формалистическим потокам, оригинальные, кризисные, левакское уродство, натурализм в грубейшей форме... это у нас есть и есть в самом количестве, которое взыскивает беспокойство не только литераторов, но и всей партии, страны.

Совершенно очевидна основа формалистических воззрений; эта основа — в конечном счете — в отсутствии полноценного глубокого понимания действительности, в отсутствии живой и деятельной связи с нашей действительностью.

Надо различать писателя, который признает действительность, но подходит к ней со стороны, и писателя, не признающего действительности и причиняющего свою враждебность за формалистическим кризисом.

Надо об этом говорить во весь голос. Я вспоминаю выступление поэта Дм. Петровского на съезде. Это было мужественное выступление поэта революции, охранявшего себя со всеми этическими нормами. Честно и ясно высказалось о том, что есть в этом количестве, которое взыскивает беспокойство не только литераторов, но и всей партии, страны.

Б. А. Пильнику мне хочется сказать несколько слов. В своей статье «Проблема образа», напечатанной в конце 1934 г. в «Литературной газете», он говорит: «Продумать знание и умение необходимо. Умение же достигается наизнанки, практикой, работой, писанием и переписыванием, полнением глубокого правила выступать рукописью из своих рук только тогда, когда автор координирует свое знание и умение».

Борьба его произведения «Созерцание плодов». Это произведение вообще чрезвычайно примечательно. Тут так много данных материала и так он своеобразно подан, я, пожалуй, скажу бы, что он подан в таком запицованном виде, что трудно добраться к сердцевине, трудно понять, что же собственно утверждает и хочет сказать Б. А. Пильнику. Попутно им высказывается также мысль, что советская литература отодвинула на задний план судьбу человека, что искусство — это изобретательство и т. д.

Есть новая редакция «Люди железнодорожной державы». У нас было счастье на острейшие темы, волнующие миллионы. Читатель требует простоты и народности в наших произведениях.

Простота и народность — это боевой флаг советской литературы. Простота не означает упрощение. И народность — не формалистическое искажение речи якобы народными словечками.

Неправильно это выступление Зетинского. Неправильно и вредно статья Асеева о Хабенском в «Литературной газете», которая принуждала писателя бояться каких-то поденщиков. Я чувствую уважение к намерению поэта взять такую тему, но мало на море! Нужно осуществить ее, так, чтобы это было достойно темы. Нужно работать дальше, и моя искренний совет Сельвинскому — работать еще и работать!

Читатель ждет, требует от нас произведения на острейшие темы, волнующие миллионы. Читатель требует простоты и народности в наших произведениях.

Простота и народность — это боевой флаг советской литературы. Простота не означает упрощение. И народность — не формалистическое искажение речи якобы народными словечками.

Беседуя с Р. Г. Говардом обсуждаются вся страна. Эта беседа наша отозвалась в сердце каждого рабочего, колхозника, красноармейца, служащего, трудящегося. А какие сложные вопросы о свободе личности, о конституции, о международном положении, о войне разрешает эта беседа!

Где же причины нашего отставания? Они — у нас самих. Мы имеем все условия для того, чтобы работать отлично.

А нехватает нам много. Нехватает нам того, что нам никто не даст, а должны взять мы сами: политическую подготовку, широкого кругозора, связи с действительностью! Наконец — злодойской товарищеской среды. Мне чрезвычайно стыдно, когда на наших глазах пыняются одаренные члены, большие художники. Пыняются с чужаками и болтают о своем знании и т. д.

Рассказ не свободен от недостатков. Над ним надо еще поработать.

Есть что-то умение в Цеитлинской, который получил своеобразным страданием за коммунистическую правду. Но, я думаю, тов. Платонов учит недостатки рассказа и дорабатывает его. Слушая рассказ, мы чувствуем, что человек понял материал, хочет работать. Это не поденщина, а настоящая работа. И наше рабочее отношение к этому делу выразилось в живом обсуждении рассказа. Практические результаты были такие: писатели заявили, что они свои вещи, уже сделанные издательству, боятся отдать читателю.

Или возьмите такое место: «его слова и мысли, обогнаны друг друга, пенились солнцем».

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного читателю! Задание основное: «Возбуждать интерес к нашему социалистическому Алексею Максимовичу Трофимову? Вот у него образ: «их несть, этих варочных котлов, каждый из них в двадцать метров вышешино», это — куполовидные котлы, средневековые башни, первокоролевские колокольни... Разврат, нагромождение помогает восприятию читателя?

Или возьмите такое место: «его слова и мысли, обогнаны друг друга, пенились солнцем».

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного читателю!

Надо различать писателя, который замечательных стихотворений может писать так:

«Ни солицу, ни песку, ни ветру, Ни хладнокровных попузам

И на прощанье, И не скажу, И не скажу,

Что целовал, А вот на книге, подготовленной к печати.

Растягиваясь по абсидам храма, Нарастая к хорам пламенными, Засияли изыски хорала

Дарзкого неверья и сомнения, И пыльнейшие очи заглушили, Деус сограничен луком звонка,

Зангревая трубы взамком крыльев, Раздуваясь, как ветер вспыхнуло.

Что это такое и как это согласуется с выступлением тов. Петровского на съезде писателей? И не наша ли задача — разяснить это тов. Петровскому, мастеру стиха? Не наша ли задача отнести к нему бережно, безропотно помочь ему разобраться, потому что это направление. И не одинок ведет Петровский у нас.

Говорят, у каждого свое. У тов. Кирсанова свое. Правда, он сегодня опубликовал в «Литературной газете» статью, в которой поразил всех открытым, что не формализм, а разрыв Лермонтова в его стихах, напечатанных в «Красной нови» № 11.

Как могло получиться, что Петровский — в прошлом красный партизан, автор замечательных стихотворений — может писать так:

«Ни солицу, ни песку, ни ветру, Ни хладнокровных попузам

И на прощанье, И не скажу, И не скажу,

Что целовал, А вот на книге, подготовленной к печати.

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного читателю!

Надо различать писателя, который замечательных стихотворений может писать так:

«Ни солицу, ни песку, ни ветру, Ни хладнокровных попузам

И на прощанье, И не скажу, И не скажу,

Что целовал, А вот на книге, подготовленной к печати.

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного читателю!

Надо различать писателя, который замечательных стихотворений может писать так:

«Ни солицу, ни песку, ни ветру, Ни хладнокровных попузам

И на прощанье, И не скажу, И не скажу,

Что целовал, А вот на книге, подготовленной к печати.

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного читателю!

Надо различать писателя, который замечательных стихотворений может писать так:

«Ни солицу, ни песку, ни ветру, Ни хладнокровных попузам

И на прощанье, И не скажу, И не скажу,

Что целовал, А вот на книге, подготовленной к печати.

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного читателю!

Надо различать писателя, который замечательных стихотворений может писать так:

«Ни солицу, ни песку, ни ветру, Ни хладнокровных попузам

И на прощанье, И не скажу, И не скажу,

Что целовал, А вот на книге, подготовленной к печати.

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного читателю!

Надо различать писателя, который замечательных стихотворений может писать так:

«Ни солицу, ни песку, ни ветру, Ни хладнокровных попузам

И на прощанье, И не скажу, И не скажу,

Что целовал, А вот на книге, подготовленной к печати.

Все это — результат безответственного отношения к своей работе, необремененного ч

О ЖИВОМ И МЕРТВОМ

Мне позвонила по телефону — Саша. Ихбах просил меня немедленно приехать на Национальный переулок к Фурманову.

— В чем дело? — спросил я.

— Что ты разве не знаешь? Митя тяжело болен. Приезжал немедленно, ты туго очень нужен.

Как? Ведь я видел Фурманова на днях... Хотя нет. Прошло уже поразительно времени. Это было в Доме Гершина, когда он вместе с нашим громом Родионом и Лебединой. Как летят времена! Не заметил... А Дмитрий болен. Что с ним?

Я побежал к трамвайю. «А» мчал меня по Москворецкой набережной. Были теплые мартовские сумерки. На рыхлом льду Москвичи темнели пятыми подиумами кружев. Трамвай завернулся у храма Христа.

Митя болен. И вдруг я вспомнил, как Саша понизил голос:

— Положение очень серьезное. Приезжай сейчас же.

А, ерунда! Такой парень, как Дмитрий, что для него какого-то жалкое.

Дверь открылась мне женщина-врач, чапаева. Я знал ее как боевого фронтового драга Аины Никитинны.

— Плохо, — сказала она вместо приветствия, и я заметил на ее лице следы недавних слез.

Бросил шубу, шапку — и прямо в комнату. Шаги у меня тяжелые, сажа скрипит, пока на меня не зашникали, я все еще верил. Но в первой комнате меня остановил застороженный мальчик Юра Либединский сидит за столом такой печальной, тут же Авербух, Тарасов, Родионов, Егор Никифоров, Безыменский, Молчанов-Тронин.

— Ну как?

В этот день у Митя третий раз в жизни на исследование спинно-мозговую жидкость.

— Камбара!, — Шприц!..

Доктор в халате, сестра... У постели Нана. На письменном столе листы бумаги, карандаш, открытая книга. Все осталось так, как было в последнюю вечер, когда Дмитрий работал над романом «Писатели».

Фурманов лежит на постели, тяжело дышит, глаза закрыты, рот воспален, лицо в изнуренных красных пятнах, вены поклонены. Он что-то бормочет, зубы скрежещут, руки хватают воздух.

— Как это случилось?

— Поехал на доклад во Дворец труда с температурой. Застудил горло. Осложнение на мозг. Министр.

К утру, после тяжелой ночи, после печального дежурства друзей, Митя умер.

Звонили из ЦК партии, из Госиздата, из союза писателей, из ЦКР. Звонили организации и одиночки. Звонили Линевич, Кудымкин, Бубнов, Шмыглов, Бухарин, Накоряков, Белов, Чапаевы, туркестанцы, друзья, соотечественники, бойцы и литераторы.

— Да Завтра похороны.

Потом были чай-то похороны. От ЦКР говорил Линевич. К Дому печати подошел лафет. Эскадрон кавалерии. Длинная процессия по Пироговской Взвозилась на рыхлый снежный холм, говорил Демьян Бедный.

Но все это казалось ненужным, неинтересным, несущественным. Фурманов умер! Нет. Я могу представить Дмитрия убитым в бою. Лежит на подиуме комиссар с орденом на груди, гордо молчит, — и на лице его печать смерти храбрых. Но грипп — это эпидемия!

Недавно мне пришлось побывать в Иванове, бывшем Иваново-Вознесенске, городе ткачей. Я провел там нескошко дней и в это время особенно напряженно думал о Фурманове.

Однажды Дмитрий, говоря со мной об Иванове, мечтательно заметил:

— Написал бы «Ткачей», только по Гауптману, а по Ленину. Ивановские ткачи — народ хороший, ворчливый, белый, но пролетарский дух из них вышибешь только с жизнью. Много сделали Ивановским ткачам для революции и делали это от всего сердца.

Брода по улицам Иванова, я искал старые, описанные Фурмановым места. Их осталось мало. В эти дни в Иванове пускали трамвай Великолепной Советской улицы тянулась широким многокилометровым проспектом от недостроенного лингата-театра к вокзалу. Вокзал новый, улицы новые, фабрики, которыми спрятаны гордятся Ивановские ткачи, тоже новые. Дзержинка, Маленжевский комбинат. Татка. На Татке, где проходили избиения рабочих, стоят светильники корпуса прядильного комбината. Во многих местах здания были еще в лесах, с фасадов краяла сквозь изматука, но уже виднелись контуры будущего социалистического Иванова.

На Советском проспекте, уединенные вязаные между двумя большими домами несколько старых домиков Когда-то (лет 6-7 назад) — это для нас уже «когда-то» они были притягательны, мицами, а сейчас кажутся хибарками.

В одном из этих домиков провел свое детство и юность Фурманов. Дом уцелел случайно. Я знал. Соседи оказались прежние. Помнят Фурманова. Как же, Митя был гордостью семьи Хорощий был парень, и вот стал значительным комиссаром, писателем...

Нижняя женщина говорила охотно и подробно, и мне стало грустно, что нет со мной Фурманова. Ходил бы он сейчас по этой знакомой комната, словно скрипел бы под его тяжелыми шагами, смеялся бы громко и хлопал бы хохлы по плечу.

Митя!

На улице моросил дождь. На телевизорном столбе отчаянно вились радиономики. Передавали лекцию о творчестве Пастернака.

Я ускорил шаг. Шел к вокзалу, не к чудесному, новому, светому вокзалу, к старому. Так же недородочный музей. Но было уже поздно и меня в музее не пустили. Вот тут, на этой платформе метались Ивановские бойцы, тут вились в своей шапке еще неизвестный к военной форме комиссар Фурманов.

Смерть не отняла у нас Фурманова. Он остался живым, боязливым писателем. Судьба фурмановского «Чапаева» говорит о подлинных наших задачах, задачах писателей нашей эпохи.

В наше чудесное время страшно только умереть. Жить, жить странно, предвидя неизбежное, потому! А Митя рано, слишком рано покинул нас.

М. ЗАЛКА

КИЕВСКАЯ ОПЕРА В МОСКВЕ

БРАТСКИЙ ДАР

Три оперы привез Киевский государственный академический театр оперы и балета в столицу Союза — «Снегурочка», «Запорожца за Дунайем» и «Наталику-Полтавку». Вряд ли нужно много говорить о гениальной опере Римского-Корсакова. Следует только отметить, что показ этого спектакля, руководимого такими мастерами, как тт. Пазовский (дирижер) и Лапицкий (постановщик), — показ в Москве русской оперы, на которую столько любовного труда положили работники украинской сцены, — является одним из блестящих образцов в беспримерной истории дружбы народов.

«Запорожец за Дунайем» и «Наталика-Полтавка» — вещи старые... Но устаревшие ли? Конечно, много нового, подчас даже примитивного в либретто и музыке «Запорожца». Эта известность осталась — и должна была остаться — и в той редакции, в какой ставят ее киевский театр. Но сколько тут пленительной теплоты, мужского юмора, западающей в душу мелодичности. Конечно, явственно слышны в этих методиках итальянские влияния (автор, известный в свое время певец Гулак-Артемовский, учился, слову сказать, в Италии), но ведь слыши и подлинное величие народной песни, присущее «Запорожцу». Их авторы, не только искусству танцовников рукоплескали «Москве» на первом представлении «Запорожца», — они рукоплескали и скромной темы «Семену», как называл Артемовского его друг Шевченко, она рукоплескала и украинскому танцовщику народу, соавтором во «всем» невольно перепела певица ляпки.

«Наталика-Полтавка» драматургически значительно сильней оперы «Запорожца»... Котляревский был настоящим мастером сценического действия, развития характеров, а главное — языка. Работая над текстом «Наталики», я убедился, до чего все это пьеса художественно прекрасно, как трудно в ней что-либо сократить или вставить.

Все же и «Наталика-Полтавка», и «Запорожец за Дунайем», написанные для белого дереворезного украинского театра («Запорожец», правда, шла и на русской сцене), выглядела бы слишком убого на глазах у современного театра, если бы их оставил неприкосненными. Вот почему, по инициативе Наркомпроса, в частности А. А. Хильи, эти вещи прореактированы и значительно пополнены режиссером заслуженным артистом В. Д. Манзой, композитором и дирижером — засл. арт. респ. В. Я. Иорини и пишущей эти строки. Работа эта по линии обогащения действия, того, что в «Наталике» введен ряд новых персонажей и сцен, появления народных массы. В «Запорожце за Дунайем» кроме этих добавленных вставок новых актеров, могли бы быть народные массы.

Фурманов лежит на постели, тяжело дышит, глаза закрыты, рот воспален, лицо в изнуренных красных пятнах, вены поклонены. Он что-то бормочет, зубы скрежещут, руки хватают воздух.

— Как это случилось?

— Поехал на доклад во Дворец труда с температурой. Застудил горло.

К утру, после тяжелой ночи, после печального дежурства друзей, Митя умер.

Звонили из ЦК партии, из Госиздата, из союза писателей, из ЦКР. Звонили организации и одиночки. Звонили Линевич, Кудымкин, Бубнов, Шмыглов, Бухарин, Накоряков, Белов, Чапаевы, туркестанцы, друзья, соотечественники, бойцы и литераторы.

— Да Завтра похороны.

Потом были чай-то похороны. От ЦКР говорил Линевич. К Дому печати подошел лафет. Эскадрон кавалерии.

Длинная процессия по Пироговской Взвозилась на рыхлый снежный холм, говорил Демьян Бедный.

Но все это казалось ненужным, неинтересным, несущественным. Фурманов умер! Нет. Я могу представить Дмитрия убитым в бою. Лежит на подиуме комиссар с орденом на груди, гордо молчит, — и на лице его печать смерти храбрых. Но грипп — это эпидемия!

Недавно мне пришлось побывать в Иванове, бывшем Иваново-Вознесенске, городе ткачей. Я провел там нескошко дней и в это время особенно напряженно думал о Фурманове.

Однажды Дмитрий, говоря со мной об Иванове, мечтательно заметил:

— Написал бы «Ткачей», только по Гауптману, а по Ленину.

Ивановские ткачи — народ хороший, ворчливый, белый, но пролетарский дух из них вышибешь только с жизнью. Много сделали Ивановским ткачам для революции и делали это от всего сердца.

Брода по улицам Иванова, я искал старые, описанные Фурмановым места. Их осталось мало. В эти дни в Иванове пускали трамвай Великолепной Советской улицы тянулась широким многокилометровым проспектом от недостроенного лингата-театра к вокзалу. Вокзал новый, улицы новые, фабрики, которыми спрятаны гордятся Ивановские ткачи, тоже новые. Дзержинка, Маленжевский комбинат. Татка. На Татке, где проходили избиения рабочих, стоят светильники корпуса прядильного комбината. Во многих местах здания были еще в лесах, с фасадов краяла сквозь изматука, но уже виднелись контуры будущего социалистического Иванова.

На Советском проспекте, уединенные вязаные между двумя большими домами несколько старых домиков Когда-то (лет 6-7 назад) — это для нас уже «когда-то» они были притягательны, мицами, а сейчас кажутся хибарками.

В одном из этих домиков провел свое детство и юность Фурманов. Дом уцелел случайно. Я знал. Соседи оказались прежние. Помнят Фурманова. Как же, Митя был гордостью семьи Хорощий был парень, и вот стал значительным комиссаром, писателем...

Нижняя женщина говорила охотно и подробно, и мне стало грустно, что нет со мной Фурманова. Ходил бы он сейчас по этой знакомой комната, словно скрипел бы под его тяжелыми шагами, смеялся бы громко и хлопал бы хохлы по плечу.

Митя!

На улице моросил дождь. На телевизорном столбе отчаянно вились радиономики. Передавали лекцию о творчестве Пастернака.

Я ускорил шаг. Шел к вокзалу, не к чудесному, новому, светому вокзалу, к старому. Так же недородочный музей. Но было уже поздно и меня в музее не пустили. Вот тут, на этой платформе метались Ивановские бойцы, тут вились в своей шапке еще неизвестный к военной форме комиссар Фурманов.

Смерть не отняла у нас Фурманова. Он остался живым, боязливым писателем. Судьба фурмановского «Чапаева» говорит о подлинных наших задачах, задачах писателей нашей эпохи.

В наше чудесное время страшно только умереть. Жить, жить странно, предвидя неизбежное, потому! А Митя рано, слишком рано покинул нас.

М. РЫЛЬСКИЙ

Эскизы костюмов к опере «Запорожец за Дунаем» в Киевском государственном академическом оперном театре. Худ. А. Хвостов

ДВА СПЕКТАКЛЯ

Первые два спектакля Киевской государственной оперы показали, что декада украинской музыки в Москве вызывает разносторонний интерес и внимание к ее творчеству. «Снегурочка» и «Запорожец за Дунаем» — настоящие шедевры, которые заслуживают внимания и по сию пору.

«Наталика-Полтавка» драматургически значительно сильней оперы «Запорожца»...

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Полтавка» — это пьеса, которая показывает, что в «Наталике» есть что-то, что не было в «Запорожце».

«Наталика-Пол

“ГОЛУБАЯ КНИГА”

На диспуте в Ленинградском дискуссионном клубе прозаиков

Недавно созданный ленинградским союзом советских писателей дискуссионный клуб прозаиков провел обсуждение «Голубой книги» Михаила Зощенко.

«Голубая книга», в отличие от «Возвращенной молодости», не является для меня книгой дискуссионной, — заявил о своем новом произведении Зощенко. — «Возвращенная молодость» дискуссионна и по форме и по материалу, а в «Голубой книге» дискуссионных остается только язык.

— Я вспоминаю, — говорит далее автор, — выступление академика И. Дергавина по поводу «Возвращенной молодости». Он говорил: «Если бы Зощенко не коверкал языки, писал просто, это было бы лучше». Впрочем, десять-двадцать лет назад, когда я был еще молодым писателем, я также получал много упреков: я синтаксис мой искривил и языки шуткой. Все это не так.

Молодника, синтаксис, языки моих рассказов позволяют с наибольшей силой достичь читателя. В следующей книге — «Ключи счастья» — я буду говорить «своими языками».

«Голубая книга» — это поиск жанра. Но это не были поиски ради поисков, а ради материала, вошедшего в книгу. Материал был очень сложным: история и беллетристика. Неудача «Возвращенной молодости» шла со стороны формы, и это потребовало от меня изменить метод моей работы. «Голубую книгу» я делал как дом сперва подвалом материала, а потом стены. Понадобилось очень много материала. Я занес карточку с десятью отделами. Читая и обдумывая материал, я заносил его в блокнот, на отдельные листки, а потом распределял их по отделам моей карточки. Этим позволило мне создать стройную книгу.

Конечно, «Голубую книгу» имеется и неудачи. Я считаю неудачным включение в нее старых, пустых и переработанных рассказов. Но если бы я заново писал все современные новеллы, работа затянулась бы на несколько лет. И вообще включение старых новелл — дело в литературе знакомое. Болнично, как известно, использовал не только свои старые новеллы, но и Аулея и арабских скажек.

Выступление на диспуте писателей К. Фединя, Николая Чуковского, В. Каверина, В. Сапиных, Ю. Вершины и др. — говорили о высоком мастерстве Михаила Зощенко.

— Зощенко, — сказал К. Федин, — большой и непревзойденный мастер новелл. Как новеллист больше всего он волнует меня и в «Голубой книге». Зощенко легко мог бы стать консервативным писателем, так как успел у читателей великих и могло бы быть прекрасный поиск. Но у Зощенко каждая новая книга не похожа на старые. Это свидетельствует о большой силе писателя.

Удачны ли поиски Зощенко? К. Федин не отвечает на этот вопрос. Но кое-какие ответы можно найти в других выступлениях.

Николай Чуковский, говоря о теме гуманизма в творчестве Зощенко, о том, что «Голубая книга» — новый поворот в той же теме о любви и жалости к человеку, считает, что Зощенко — антиформалистический писатель: самые острые, самые большие вопросы жизни всегда интересуют его, и он берет на себя смелость

Б. РЕСТ

Ленинград

«Летучая рыба» или «самовар на крыше»?

Дети о рисунках Конашевича

Знакомство с книгой ребята начинают с переплета. Внимательно рассматривают они обложку. Она яркая, белое поле разрисовано цветами, винтажными. Заглавие книги «Сказка о рыбаке и рыбке». Фамилии художника — В. Конашевич — тоже написана так, что воспринимается, как винтажка. Но это мало интересует ребят, они хотят узнать, что же было в этой книге. Сказка о рыбаке и рыбке, сказка о любви и жалости к человеку, считают, что Зощенко — антиформалистический писатель: самые острые, самые большие вопросы жизни всегда интересуют его, и он берет на себя смелость

Художник В. Конашевич пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки. Одна из этого раза из области нашей личной жизни в свете сказки и философии. Другая — историческая, сатира на глупость с эпиграфом из Броверса: «Меня теперь тревожат не мешеники, а тревожат дураки».

И все же иллюстрации В. Конашевича в «Сказке о рыбаке и рыбке». Пушкинина датки от того, что требуют от художников, работающих над детской книгой.

Рассматривая в книжке рисунок, изображающий старуху в звании двоюродной бабушки, ребята 2-го детского сада Загородного обратили внимание на громкую конек.

Старуха узнается сразу. Старик же одним представляется петухом, другим — лошадью с покляжей. Третьи, установив что на рисунке изображена женщина, кричат: «Дядя Дима несет что-то!». — «Нет — сидит!» — возражают им некоторые. Нужно отдать справедливость ребятам: ничего необычного в них замечаний нет — художник так нарисовал рыбака, что его с одинаковым правом можно принять и за большую серую камень, и за петуха, и за старика. «несущего что-то».

Немногие разнотолки вызывает следующую иллюстрацию: старик вытащил золотую рыбку. Трудно узнать в этом зеленом, многоглавиковом, многохвостом чудище мудрую лягушку рыбака, образ которой памятен нам с детства. И падаром никто из ребят 49-го детсада Балтийского района не назвал ее «золотой». Малышам дали ей новое, более соответствующее рисунку Конашевича имя — «летучая рыбка».

Чрезвычайно показательны замечания ребят о рисунке, изображающем бурю на море. «Сердитые волны» принимаются ими за траву, цветы, капусту. И лишь после длительного разглядывания и обмена впечатлениями дошкольники начинают приближаться к «истине»: «Это цветочное водяное растение на море». Это будто бы с цветами.

Так воспринимается детями почти каждый рисунок книги.

Мы не хотим сказать, что иллюстрации Конашевича худороды. Нет, в каждом рисунке чувствуется умение и сильная рука мастера. Здесь нет желания подделаться под ребенка. Здесь нет тех уродливых сучко-

В. ТОНИН

Книги на иностранных языках

Издательство иностранных рабочих в ССР в ближайшем времени выпустит ряд произведений западноевропейских и американских классиков.

На английском языке выходит беллетристический однотомник Марк Твен, роман Филлипина «Приключения Тома Джонса найденного» и полное собрание стихотворений Уолта Уитмана. Подготавливается к печати полное

Артистка Киевского государственного академического оперного театра З. М. Гайдай в роли Снегурочки в опере «Снегурочка».

КХ СЕЗДУ КОМСОМОЛА

Гослитиздат выпускает к Х съезду комсомола специальную серию книг: однотомники сочинений А. С. Пушкина, В. В. Маяковского, поэзии писателя-орденоносца Н. Островского «Как закалялась сталь» и сборники стихов Маяковского о комсомоле «Комсомольская», «Марши комсомольцы», «Возьмем винтовки новые», «Марши ударных бригад», «Левые марши» и мн. др. Сборник составлен под руководством писателя-исследователя Артема Васильева.

Художник С. А. Лучинский, по заказу Всесоюзного художника, закончил большое полотно, посвященное Х съезду комсомола. Картина изображает демонстрацию молодежи в дни Октября на Арбатской площади и следит за тем, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко.

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

«Нобзарь»

на грузинском языке

Государственное издательство Грузии предполагает осуществить в этом году полное издание «Нобзарь» Шевченко.

Последние годы над переводами отдельных произведений из «Нобзаря» работают поэт Насибов. Полное издание «Нобзаря» на грузинском языке будет дополнено новыми переводами, над которыми работают поэты Паоло Янини, Т. Табидзе, С. Чиковани, К. Лордкипанидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицхишивили и И. Пасишвили.

Художник С. А. Лучинский, по заказу Всесоюзного художника, закончил большое полотно, посвященное Х съезду комсомола. Картина изображает демонстрацию молодежи в дни Октября на Арбатской площади и следит за тем, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко.

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых будет написана поэтическим языком, направленным против того силу писателя. И едва ли следут думать, что после «Голубой книги» напишет роман с положительным героем. В эпоху построения социализма не отпадает оружие сатиры. Меняется объект сатиры и в этом изменении объекта будет итти развитие творчества Зощенко».

Сам автор «Голубой книги» пишет об этом так:

«А что касается нашей дальнейшей

литературной работы, то мы задумали написать еще две забавные книжки, одна из которых